

ИРИНА ЛЕОНARDOVNA САВКИНА

доктор философии, лектор отделения русского языка, культуры и перевода, Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

irina.savkina@uta.fi

ЮЛИЯ ВАЛЕНТИНОВНА БАХТИНА

магистр отделения русского языка, культуры и перевода, Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

bakhtina.yulia@kolumbus.fi

ЖИЗНЬ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ: НARRATIVНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Анализируется процесс культурно-этнической идентификации и способы конструирования нарративной идентичности через категории пространства и дислокации в свободном автобиографическом интервью репатриантки из России в Финляндию, записанном в 2009 году в рамках проекта «История переезда» кафедры русского языка, культуры и перевода Тамперского университета (Финляндия). Понимая идентичность и пространство в рамках методологической парадигмы культурных исследований и гуманитарной географии, авторы статьи стремятся продемонстрировать, каким образом через конструирование реально-воображаемых пространств в исследуемом автобиографическом нарративе обсуждаются, конструируются и трансформируются концепты «финскости», «русскости» и «ингерманландской» в качестве ключевых аспектов этнокультурной самоидентификации респондентки. В статье утверждается, что автобиографический нарратив является и местом, и средством противоречивого и непрекращающегося процесса самоидентификации. Динамику движения во многом определяют перемещения и смещения. Место (топос), хронотоп являются одним из самых действенных инструментов конструирования себя в рассказе и через рассказ о себе.

Ключевые слова: идентичность, пространство, автобиографическое интервью, нарратив, хронотоп, нарративный анализ, миграция, дислокация

Метафора «жизнь как путешествие» существует уже сотни лет. Однако в контексте современных процессов глобализации и растущей человеческой мобильности это выражение, кажется, теряет свой метафорический характер.

Материалом анализа в данной статье является интервью, записанное в марте 2009 года¹ в рамках проекта кафедры русского языка, культуры и перевода Тамперского университета «История переезда», целью которого был сбор и анализ рассказов жителей бывших республик СССР, переехавших в Финляндию в течение 1992–2002 годов. Отвечая на вопрос интервьюера об обстоятельствах смены страны проживания, респондентка мотивирует свой переход подробным рассказом о собственной жизни. Таким образом, объект анализа – свободное, полуструктурированное интервью [16], [25], большую часть которого составляет автобиографический нарратив.

Предметом нашего научного интереса будет процесс культурно-этнической идентификации, способы конструирования идентичности в ходе рассказа о себе и своей жизни [6], [7]. Понимая идентичность в рамках парадигмы Cultural Studies [5] как нестабильную, нецелостную, относительную, а идентификацию как никогда не завершающийся процесс конструирования [8], [9], [10], [11], мы вслед за Хювариненом [14], [15], [16] считаем, что одним из «мест», где этот процесс самоидентификации происходит, является рассказ о собственной жизни. В ходе повествования

автор не только фиксирует или называет свою принадлежность к определенной общности, но обсуждает ее, переоценивает и т. д. Находясь в постоянном внутреннем диалоге с самим собой (а в случае автобиографического интервью и в реальном диалоге с другим), автор-респондент переоценивает ранее сформированные идентичности в длящемся и противоречивом процессе нарративной² самоидентификации.

Существуют различные способы анализа этого процесса. Один из естественных и возможных подходов связан с использованием категории пространства, места, которые понимаются как символические системы, участвующие в конструировании повествования [12; 17]. В рамках подходов, предлагаемых Cultural Studies и гуманитарной географией, пространство рассматривается не как геометрическое или географическое понятие, а как социокультурный конструкт, нагруженный символическими смыслами и значениями [18], [19]. Понимаемое так пространство активно исследуется в связи с изучением процессов глобализации и миграции [17], [20]. Географ и культуролог Г. Роуз рассматривает место и идентификацию как тесно связанные категории, указывая на различные варианты идентификации с местом и через место: принадлежность, отчуждение, неидентификация (то есть отсутствие самого процесса идентификации) [22; 92]. Безусловно полезным может быть и понятие

дислокации – перемещения из места одной физической привязанности в другое при сохранении эмоциональной привязанности к месту происхождения. На индивидуальном уровне опыт такого эмоционального и физического смещения, как замечает Дорис Месси, вызывает проблемы самоидентификации [19; 7]. При этом, как мы уже отмечали, представители гуманитарной географии говорят не только о реальной миграции, но и о символических процессах: Д. Валентайн пишет о том, что пространство и его границы так же воображаются человеком, как воображается принадлежность этого пространства кому-либо³, как конструируются понятия своего и чужого в процессе самоидентификации [27; 48–51]. В анализе текста автобиографического нарратива эти социологические и культурологические категории полезно и даже необходимо соединить с концепцией хронотопа М. Бахтина [1].

Конкретной задачей данной статьи будет проанализировать, как строится, «разыгрывается» нарративная идентичность в рассказе респондентки через конструирование значимых мест, хронотопов; через присвоение или отчуждение описываемых реально воображаемых (в терминах Эдварда Соджи [24; 11]) пространств.

Так как вопрос интервью был связан с историей переезда, то в центре рассказа оказывается проблема национальной или энтокультурной составляющей идентичности, в то время как гендерный, возрастной и прочие аспекты оказываются редуцированными.

Описывая предысторию переезда в Финляндию в 90-е годы, М. рассказывает о своей жизни, которая выстраивается в рассказе как путешествие, как иногда добровольное, а чаще вынужденное перемещение в пространстве: финская (ингерманландская) деревня под Ленинградом – жизнь в западной Финляндии во время Второй мировой войны – депатриация в СССР (в Рыбинск) – бегство в Эстонию – ссылка в Сибирь – переезд в Эстонию – учеба в Петрозаводске – работа в Москве – выезд с мужем в арабские страны – новая работа в Москве – переезд в Финляндию.

Отвечая на предложение интервьюера рассказать об истории и предыстории переезда в Финляндию, респондентка начинает свое повествование словами: «Ну, я хочу сказать, что я с Финляндией связана очень давно, почти всю жизнь. Во-первых, я воспитывалась в финской семье, родители у меня ингерманландцы, и родилась я под Петербургом», – тем самым сразу обозначая три ключевых для своей культурно-этнической самоидентификации темы: финскость, ингерманландскость и russkost⁴.

Первый хронотоп, конструируемый в нарративе, это детство, родной дом, родная деревня, где все говорили по-фински, ходили в лютеранскую церковь, и многие, в том числе и ее родители, носили фамилию, произведенную от финско-

го названия деревни. Принадлежность к этому миру по рождению четко маркирует финскую идентичность, которая строится за счет отличия от «киной», в данном случае русской, а та, в свою очередь, существует за счет отличия от финской и ее опровержения [9; 89], [11; 2] («...ни русской культуре, ни языку не было доступа вот в эти районы»). Мир детства – замкнутый и защищенный от других финский мир. На вопрос интервьюера: «Почему вы сказали, что в финской семье, то есть вы не с родителями жили в детстве? Или это ингерманландцы были?» М. отвечает: «Ингерманландцы да. Они чувствовали себя финнами» – и поясняет, что слово «Ингерманландия» она узнала в 70-е годы и только тогда стала определять себя как ингерманландку, интересоваться этой проблемой и участвовать в съездах ингерманландцев, обсуждавших идею автономии. «Ну потом это все, когда Финляндия стала принимать широким потоком в Финляндию⁵, то все это заглохло на корню». Таким образом, ингерманландскость, о которой М. не раз будет говорить в своем рассказе, не связана с «чувством места» [22; 88] и не является для нее лично пережитым опытом. Это сконструированная на абстрактном метауровне самоидентификация, которая накладывается на изначальное, сформированное с детства отождествление себя с финнами и перекодирует, «переназывает» сформированную идентичность, в определенном смысле трансформируя ее.

Если вернуться к рассказу о детстве, то родной дом, финское «гнездо» – это, конечно, воображенное пространство, которое описывается как пространство света, любви, защищенности, как нечто, похожее на райский сад, откуда автора изгнали уже в раннем детстве («все такое солнечное, все такое красивое, огромный сад, спелые фрукты»). Воображенное пространство родины, потерянного рая, идеального дома связывается с концептом «финского», однако следующий эпизод – перемещение собственно в Финляндию – осложняет тему финской идентичности, так как переезд описывается как травматический опыт, и отношение с новым, финским пространством выстраивается через парадигму отчуждения. «Вот фильтрационный лагерь я помню, женщин... в белом. <...> Как-то я помню, что меня вот сюда в грудь укололи в этом лагере. И мне было жутко больно, вот эту боль я потом долго чувствовала». Второе подробно рассказанное воспоминание – это пожар и «страшная суматоха» на теплоходе. Но М. также упоминает вкусный клюквенный кисель. «Вот этот запах клюквенного киселя преследует меня всю жизнь, даже сейчас, если я иду зимним морозным днем по улице, и мимо меня проходит какая-нибудь очень чистая женщина финская, вот надушена каким-то легким-легким ароматом, и вот на меня пахнет вот этим киселем...». Попытка интервьюера трактовать последний

комментарий как знак позитивного отождествления, телесной близости с Финляндией резко отклоняется: «И.: Это как бы запах Финляндии, получается такой первый?» М.: «Нет, нет, нет, я не могу сказать, что это Финляндия. Это какой-то вот так пронизывающий запах из детства остался у меня».

С новым финским миром ассоциируется боль и страх. И локусы, места, которые вспоминаются, тоже несут признаки чужого, экзотического и враждебного: дом злой хозяйки, где спали на полу, пожар, в котором обвинили отца, и потому «хозяин нас выгнал, и мы оказались в таком старом, старом доме. Там было холодно, там было столько тараканов, жутко много... я только помню вот этот серый дом и эти тараканы». Финны в этой нарративизации детских воспоминаний называются *оны*, себя она определяет как чужака во враждебном мире.

Перелом в отношении к Финляндии начинается с обретения собственного жилья и друзей. Но процесс доместикации, присвоения места и его идентичности тут же прерывается, и снова возникает тема изгнания, так как Советский Союз требует вернуть депатрированных советских финнов, и семья уезжает назад в СССР. «Сначала мы ехали очень комфорtabельно в финских поездах... за окном мелькали... вот эти финские яблони, с которых не снимали яблок, да вот эти красные яблоки и красные станционные домики, вот они у меня так и остались в памяти. А когда нас до Выборга довезли, оттуда нас в товарняки посадили в товарные. Как сельди в бочке всех затолкали туда, вот. И мы долго-долго ехали, и давали нам какие-то плавленые сырки, порченые. И вот этот запах плавленых сырков у меня на всю жизнь остался. В России все любили очень плавленые сырки, — я их видеть не могла, вот с детства осталось». Здесь видно, что Финляндия переосмысливается, она уже часть «родины» детства, райского сада, а Россия и *все* русские, любящие сырки, — это *оны*, другие, предмет противопоставления.

Хронотоп изгнания конструируется через перечень локусов — это всегда чужие дома, часто со злыми, враждебными хозяевами, это странные, нежилые, почти нечеловеческие места. В Ярославле жили у старушки, укравшей ящик с вещами для новорожденной девочки, а дети играли в прятки в сарае при больнице, где лежали кучами голые мертвцы. В Сибири их поселили в деревне поволжских немцев, где «никто, никогда, никому не откроет дверь и не поможет», и они жили в избе, сделанной из навоза, смешанного с соломой и глиной, на полу которой за ночь вырастали гигантские грибы. После смерти матери в съемном углу, «когда... ложились спать, у нас ноги с ней, с моей сестрой, были все черные от блох. И мы вот так руками их, их вот так выгребем и в постель». В Эстонии, куда рассказчица-подросток перебралась к

тетке, жили в доме с двойными стенами, за которыми прятались «лесные братья». Учась в петрозаводском училище, М. жила в немецком бараке с огромными щелями, где ночью замерзали чернила в чернильницах.

Без наводящих вопросов интервьюера М. не говорит о национальных проблемах, о том, что к ним относились как к чужим, иноязычным, но мир СССР или России выстраивается как пространство, где им нет места, где они на временном постое у враждебных людей. Бездомье становится в нарративе клеймом инаковости (финской); через конструкции места, через хронотопы происходит процесс нарративной стигматизации. Однако повествование все же не так последовательно, как может показаться из вышеуказанного: автобиографический нарратив на самом деле полон противоречий, которые и являются ключевыми пунктами, «узловыми станциями» динамичной, «движущейся» самоидентификации. Наряду с сюжетом неукоренности, утраченной и «недоприобретенной» родины, в повествовании присутствует и тема «дома», связанная с концептом «русскости», в этом контексте оцениваемой очень позитивно.

Своим местом в чужом пространстве в нарративе является *школа*, которая становится своего рода суррогатным домом в мире бездомья. Уже в рассказе о первом переезде в Финляндию начавшаяся «хорошая финская жизнь» связывается не только с собственной большой комнатой, но и со школой. «И мы с этой подружкой ходили в финскую школу, но мы там не учились, а... мы ходили туда есть. В Финляндии во время войны детей кормили в школе». Школа — это место, где кормят, где хорошо и где есть друзья, свои. Затем тема школы возникает в рассказе о скитаниях в изгнании. Первая попытка пойти в школу в Рыбинске заканчивается неудачей («Дело в том, что по-русски я еще очень плохо говорила, и учительница, господи, может, у нее на фронте кто-нибудь погиб, она так ненавидела меня»), зато воспоминания о школе в Сибири и учительнице, которую она помнит по имени-отчеству, — очень теплые. «...Поскольку... я читала лучше всех... она давала мне книгу, ставила перед классом, и говорит: “М., читай!” И вот, я читала, все слушали, слушали. Всегда на русском, да. Да, да, вот в Рыбинске я пошла в русскую школу, потом мы приехали в Тарту, и я опять пошла в русскую школу, и в Сибири, всю жизнь я училась в русской школе. Финский язык я учила как предмет только в педучилище». Автор очень подробно описывает училище, учебу в университете, свою дальнейшую работу педагогом. Она уверенно и с гордостью идентифицирует себя профессионально. «Директор всегда говорил, что вы прирожденный педагог, вот, прирожденный. Мне и муж всегда говорил — училка пришла, вот, и дочь моя... говорит — ты учительница». И даже первая квартира, с получением которой в рас-

сказе заканчивается этап изгнания и начинается рассказ о признании и самореализации, как подчеркивает автор, находилась «в преподавательском доме».

Школа – это *свое* пространство, место, где респондентка принята, одобрена и успешна, и это признание связано с русским языком и русской культурой. Идея образованности, интеллектуальной состоятельности – важная часть идентичности. Рассказывая о своих родных, респондентка, с одной стороны, говорит о них как о простых, малограмотных, простодушных финнах, а с другой, противореча самой себе, подчеркивает, что один дядя преподавал в институте, тетя, плохо говорившая по-русски, тем не менее «выписывала и читала все книги и газеты», в их с мужем доме была огромная библиотека и т. п.

Школа – значимое место нарратива, пространство позитивной самоидентификации. Как финка рассказчица *другая, чужая*, самоопределение осуществляется через травматический опыт отторжения, борьбы и выживания, но как способный, интеллектуальный человек она *своя*, она человек *той же (русской)*, а не *иной* культуры. «Укоренившись» в России, которая прежде всего конструируется как место культуры⁶, М. переживает период успеха и самореализации, когда ее финскость становится не клеймом, стигмой, а наоборот – ресурсом успешности.

Рассказ М. о временах оттепели строит воображенное пространство почти лишенного проблем и противоречий общества. Она свободно общается со своими родственниками и знакомыми, живущими в Финляндии, один из которых упрашивает ее переехать к нему. Но, как смеясь комментирует респондентку, «я такая советская женщина была, что я подумала, что я там буду делать. У меня интересная работа, я работу свою любила». Она работала в «Международной школе»⁷, про которую говорит так: «Это было вот настоящее такое, знаете, демократическое. И кто вспоминает там какие-то гонения против... Ничего не было. Ничего подобного. Ни на евреев там, на финнов, на инородцев у нас не было. У нас была такая очень дружная компания, международная компания». Позднесоветское общество описывается как место, где быть другим – символический капитал. Об этом респондентка толкует своей дочери, которая чувствует себя русской и не хочет изучать финский язык: «Я внушала ей, что... ты должна язык знать, хотя бы из меркантильных целей».

Последний перелом, последнее перемещение – это переезд в Финляндию, который описывается как дислокация в терминах Месси [19; 7]. По выражению М., она приехала в Финляндию «неправильно» – не по программе реиммиграции соотечественников⁸, а вслед за дочерью, которая, поработав в Финляндии, поступила в финский университет. «Да, я приехала к дочери, поэтому мне ни квартиры, ничего не дали,

ни пособия. Наоборот, последнее отобрали». Вернувшись в страну своих предков, респондентка снова оказалась в ситуации чужого и «приживала», человека, живущего на съемной квартире. Ее главный ресурс – культурность, образованность, профессионализм, связанный с русской культурой, оказался не востребован и даже подозрителен. Она с обидой отмечает, что бывшие студенты Международной школы, которые радостно общались с ней во время прежних ее кратковременных приездов в Финляндию, теперь от нее отвернулись, как и другие финны. «И вдруг я оказалась здесь, у всех стеклянные глаза, все смотрят, никто со мной не разговаривает». На вопрос интервьюера: «Хотя вы говорили с ними по-фински?» М. отвечает: «А это все равно чувствуется... люди они говорят: “Ты как-то странно по-фински говоришь, ты что не финка”, они мне говорили – ты что не финка? Стой мысли остался вот этот русский... я... темы выбираю такие, которые финны не любят при первой встрече выбирать. <...> Я себя очень неуютно чувствую... легче тем, кто чувствовал себя или чистым ингерманландцем, или чистым русским. А у меня произошло такое, такое раздвоение, раздвоение личности». Респондентка говорит о том, что ей трудно определить, кто она, на каком языке она думает, но в Финляндии она чувствует себя дискомфортно, потому что постоянно испытывает чувство вины: «...практически тяжело, потому что я чувствую отношение людей, что они меня воспринимали, что я приехала за какой-то сырой жизнью сюда... Сознание неспокойна, и поэтому я хотела работать, я думала, что с моим опытом, что у меня даже связи какие-то есть, что я обязательно устроюсь на работу». Ожидания не оправдались, и М. ощущает болезненное чувство дислокации, и на прямой вопрос: «Вы когда приехали в Финляндию, чувствовали, что вы приехали на родину?» отвечает: «Нет, я вообще, я была в такой растерянности, что я заболела. Я заболела». В последней части интервью позиция автора наиболее противоречива: она хвалит Финляндию, но описывает свой опыт переезда как крайне тяжелый; она критикует Россию, но подчеркивает свою принадлежность к русской культуре. Она неожиданно актуализирует ингерманландскую составляющую идентичности, вспоминает о вине Финляндии перед ингерманландцами и говорит о том, что приглашение возвращаться было продиктовано прагматическими соображениями («они не столько долг выплачивали, сколько надо было привлечь новую рабочую силу») и что даже те ингерманландские дети, которые воспитывались после войны в финских семьях, до конца не финизировались («все равно вот клеймо, что он чужак, что он ингерманландец, вот у них осталось»). Этнокультурная идентичность, которую автор пытается здесь непосредственно обсуждать, рефлектировать, все время перекодируется,

переопределяется; окончательного вывода, ответа на вопрос «Кто я?» дать невозможно, каждое изменение темы или контекста создает новый поворот в этом непрерывно длящемся процессе нарративной самоидентификации. В конце рассказа автор несколько раз повторяет, что ей все же нравится жить в Финляндии: «Ну я такая вот ближе к природе вот, животных люблю, летом я целыми днями провожу в лесу. <...> Поэтому мне Финляндия очень нравится. И мне кажется, что для пожилых людей она идеальная». Описание жизни как путешествия, начавшегося в райском саду воображаемого мира родины-детства, приводит к воображаемому пространству чудесного леса – идеальной родины.

Конечно, анализ одного интервью – это только Case study, не позволяющее сделать универсальных обобщений. Очевидно, что на автобиографический нарратив влияет огромное число

обуславливающих факторов. Можно задаться вопросами: как изменилась бы история жизни, если бы она была не рассказана, а написана? Если бы отсутствовал интервьюер-собеседник? Если бы интервьюер был другого пола или возраста? Если бы интервьюер сама не имела опыта переезда? Каким получился бы автотекст, если бы интервью давалось по-фински, финскому исследователю, в рамках другого проекта? Число подобных вопросов можно умножить.

Но тем не менее проведенный анализ позволяет сказать, что автобиографический нарратив является средством и полем противоречивого и непрекращающегося процесса самоидентификации. Динамику движения во многом определяют перемещения и смещения; место (топос, хронотоп) является одним из самых действенных инструментов конструирования себя в рассказе и через рассказ о себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интервью записано 16 марта 2009 года И. Л. Савкиной. Респондентка дала письменное разрешение на использование текста данного интервью в научных целях. Текст интервью цитируется по записи, имеющейся в распоряжении авторов, без дополнительных сносок. Респондентка обозначается инициалом М., интервьюер – инициалом И.
- ² О нашем понимании форм и функций нарратива и способов нарративной самоидентификации см.: [4], [6], [7].
- ³ Здесь существенно важным является и понятие «воображаемого сообщества», предложенное Б. Андерсоном [3].
- ⁴ Заметим, что она говорит о Петербурге, хотя в 1938 году, о котором идет речь, город назывался Ленинградом.
- ⁵ Об ингерманландцах и их реэмиграции в Финляндию в конце XX – начале XXI века см.: [2], [13], [21], [26].
- ⁶ Именно поэтому, как нам кажется, респондентка почти всегда говорит о России и русском, а не о Советском Союзе и советском, исключая момент, приведенный ниже, когда она мотивирует свой отказ выйти замуж и уехать в Финляндию тем, что она была «такая советская женщина».
- ⁷ Вероятно, Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ.
- ⁸ В 1990 году президент М. Койвисто объявил о принятии нового закона о выдаче проживающим на территории бывшего СССР ингерманландским финнам вида на жительство, способствуя, таким образом, их возвращению в Финляндию. Приезжающие по этому закону репатрианты получали специальную социальную поддержку со стороны государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975.
2. Давыдова О. Репатрианты у ворот Финляндии – в поисках «правильной» идентичности // Россия и Финляндия в диаспоральном контексте / Науч. ред. Н. П. Космарская. М.: Еврейский университет, 2003. С. 66–98.
3. Anderson B. *Imagined communities*. Third edition. London: Verso, 2006. 256 p.
4. Ball M. *Narratology: introduction to the theory of narrative*. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 264 p.
5. Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. London: Sage, 2003. 484 p.
6. Bruner J. *Life as Narrative. Social research*. 2004. Vol. 71. № 3. P. 691–710.
7. Chamberlain M. and Thompson P. Introduction: Genre and Narrative in Life Stories. *Narrative and Genre* / Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. London; New York: Routledge, 1998. P. 1–22.
8. Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton, 1994. 336 p.
9. Grossberg L. *Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 87–107.
10. Hall S. *Identiteetti. Suom. ja toim. M. Lehtonen ja J. Herkman*. Tampere: Vastapaino, 1999. 285 p.
11. Hall S. Introduction: Who needs Identity? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 1–17.
12. Herman D. Exploring the Nexus of Narrative and Mind. *Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates* / Ed. by D. Herman et al. Columbus: The Ohio State University Press, 2012. P. 14–19.
13. Heikkilä Elli and Peltonen Selene. *Immigrants and Integration in Finland*. Siirtolaisuusinstituutti. Turku, 2002. Available at: http://www.migrationinstitute.fi/articles/069_Heikkila-Peltonen.pdf
14. Hyvärinen M. 2006. *Kerronnallinen tutkimus*.
15. Hyvärinen M. Haastattelukertomuksen Analyysi. *Haastattelun Analyysi*. Toim. J. Ruusuvuori, P. Nikander ja M. Hyvärinen. T.: Vastapaino, 2011. P. 90–118.
16. Hyvärinen M. ja Löytyniemi V. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula. Tampere: Vastapaino, 2005. P. 189–222.
17. King R. *Migrations, globalization and place. A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 6–44.
18. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell Publishing, 1991. 464 p.
19. Massey D. The conceptualization of place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 46–85.
20. Massey Doreen and Jess Pat. Introduction. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press. 1995. P. 1–4.
21. Ranninen-Siiskonen T. *Vieraana omalla maalla: tutkimus karjalaisen siirtoväen muistelukerronnasta*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. 387 p.

22. Rose G. Place and Identity: a sense of place. *A place in the World* / Ed. D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 88–132.
23. Ruusuvuori Johanna ja TiittulaLiisa. Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula Tampere, Vastapaino, 2005. P. 22–56.
24. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. 352 p.
25. Tiittula L. ja Ruusuvuori J. Johdanto. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula. Tampere, Vastapaino, 2005. P. 9–21.
26. Tuuli E. Inkeriläisten vaellus. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström Oy, 1988. P. 13–53.
27. Valentine G. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life. *Human Geography Today* / Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 47–61.

Savkina I. L., University of Tampere (Tampere, Finland)
 Bakhtina Yu. V., University of Tampere (Tampere, Finland)

LIFE AS JOURNEY: NARRATIVE SELF-IDENTIFICATION IN AUTOBIOGRAPHICAL INTERVIEW

This article studies a remigrant female narrative interview that was conducted within the project “A story of moving” implemented at the University of Tampere by the department of Russian Language, Culture and Translation. The main purpose of this research was to analyze the processes of ethno-cultural identification and the ways of narrative identity construction through categories of space and dislocation during the process of autobiographical interview. While examining the categories of identity and space within the framework of cultural studies and human geography, the authors tried to demonstrate how the remigrant woman’s “Finnishness”, “Russianness” or “Ingriness” as the key aspects of ethno-cultural self-identification are produced, discussed, and transformed in the process of imagined spaces’ construction during the narrative interview. This article argues that the autobiographical narrative represents both a site and a tool of the contradictory and continuous self-identification process that is never completed. Migration and dislocations determine dynamics of the process. The location, topos, and chronotopes become one of the most operative tools for self construction in the process of storytelling through self-explanatory story.

Key words: identification, space, autobiographical interview, narrative, chronotope, narrative analysis, remigration, dislocation

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975.
2. Davydov O. Remigrants at the gates of Finland- in the quest for the “correct” identity [Repatriants u vorot Finlyandii – v poiskakh “pravil’noy” identichnosti]. *Rossiya i Finlyandiya v diasporal’nom kontekste* [Russia and and Finland in the context of diaspora] / Ed. by N. P. Kosmarskaya. Moscow, Evreyskiy Universitet Publ., 2003. P. 66–98.
3. Anderson B. Imagined communities. Third edition. London: Verso, 2006. 256 p.
4. Bal M. Narratology: introduction to the theory of narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 264 p.
5. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2003. 484 p.
6. Bruner J. Life as Narrative. *Social research*. 2004. Vol. 71. № 3. P. 691–710.
7. Chamberlain M. and Thompson P. Introduction: Genre and Narrative in Life Stories. *Narrative and Genre* / Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. London: New York: Routledge, 1998. P. 1–22.
8. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1994. 336 p.
9. Grossberg L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 87–107.
10. Hall S. *Identiteetti*. Suom. ja toim. M. Lehtonen ja J. Herkman. Tampere: Vastapaino, 1999. 285 p.
11. Hall S. Introduction: Who needs Identity? *Questions of Cultural Identity* / Ed. by S. Hall and P. Du Guy. London: Sage Publications, 1996. P. 1–17.
12. Herman D. Exploring the Nexus of Narrative and Mind. *Narrative Theory: Core Concepts and Critical Debates* / Ed. by D. Herman et al. Columbus: The Ohio State University Press, 2012. P. 14–19.
13. Heikkilä Elli and Peltonen Selene. *Immigrants and Integration in Finland*. Siirtolaisuusinstituutti. Turku, 2002. Available at: http://www.migrationinstitute.fi/articles/069_Heikkila-Peltonen.pdf
14. Hyväriinen M. 2006. *Kerronnallinen tutkimus*.
15. Hyväriinen M. Haastattelukertomuksen Analyysi. *Haastattelun Analyysi*. Toim. J. Ruusuvuori, P. Nikander ja M. Hyväriinen. T.; Vastapaino, 2011. P. 90–118.
16. Hyväriinen M. ja Löyttyniemi V. Kerronnallinen haastattelu. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula. Tampere: Vastapaino, 2005. P. 189–222.
17. King R. Migrations, globalization and place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 6–44.
18. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell Publishing, 1991. 464 p.
19. Massey D. The conceptualization of place. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 46–85.
20. Massey Doreen and Jess Pat. Introduction. *A place in the World* / Ed. by D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 1–4.
21. Raninen-Siiskonen T. Vieraana omalla maalla: tutkimus karjalaisen siirtelukerronasta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. 387 p.
22. Rose G. Place and Identity: a sense of place. *A place in the World* / Ed. D. Massey and P. Jess. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 88–132.
23. Ruusuvuori Johanna ja TiittulaLiisa. Tutkimushaastattelu ja vuorovaikutus. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula Tampere, Vastapaino, 2005. P. 22–56.
24. Soja E. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. 352 p.
25. Tiittula L. ja Ruusuvuori J. Johdanto. *Haastattelu: tutkimus, tilanteet ja vuorovaikutus*. Toim. J. Ruusuvuori ja L. Tiittula. Tampere, Vastapaino, 2005. P. 9–21.
26. Tuuli E. Inkeriläisten vaellus. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström Oy, 1988. P. 13–53.
27. Valentine G. Imagined Geographies: Geographical Knowledges of Self and Other in Everyday life. *Human Geography Today* / Ed. by D. Massey, J. Allen and P. Sarre. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 47–61.